ISSN 0042-8736

Вопросы экономики

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ НА ПУТИ К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ

4

1993

Р. НУРЕЕВ,
доктор экономических наук, профессор,
руководитель "ЭКО центра" ИЭ РАН

ПРЕДПОСЫЛКИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Многознание не научает мудрости.

Мудрость — знание оснований и причин.
Гераклит

Новая парадигма? Из каких элементов она может возникнуть и почему? В каком направлении она будет развиваться? Новая парадигма не может появиться на пустом месте. Ее предпосылки с известной долей условности следует разделить на онтологические и гносеологические. Рассмотрим сначала онтологический аспект.

Онтологические предпосылки

Прежде всего выделим основные этапы развития объекта исследования экономической науки. Наиболее перспективным в настоящее время является выделение трех ступеней в развитии человеческого общества: доиндустриальной, индустриальной и постиндустриальной.

В доиндустриальную эпоху господствовало натуральное сельскохозяйственное производство. Индивид не мог просуществовать, не будучи так или иначе связан с землей, с земледельческим процессом. Земля представляла собой как бы неорганическое тело трудящегося индивида, существовало природное единство труда с его естественными предпосылками. Человек был включен в биологические циклы природы, был вынужден подстраиваться под них, соизмерять свои действия с биологическим ритмом сельскохозяйственного производства.

Место непосредственного производителя и его функция в процессе производства, цель и средства его деятельности, качество и количество выпускаемой продукции определялись не только уровнем развития производительных сил, но и конкретными лицами; либо коллективом трудящихся, к которому данный индивид принадлежал (первобытной или крестьянской общиной, ремесленным цехом и т. п.), либо представителями господствующего класса, в личной зависимости от которых непосредственный производитель находился (будь то сборщик ренты-налога азиатского государства, рабовладелец или феодал).

Совершенствование искусственных, созданных человеком орудий труда, безусловно, способствует преодолению зависимости человека от природы, созданию предпосылок для перехода от естественных производительных сил к общественным. Развитие системы орудий труда, техники позволяет человеку увеличить свою власть над внешней природой. Техника выступает как «вторая природа», как природа, преобразованная человеком.

Промышленная революция раскрепощает индивида: на смену личной зависимости приходит личная независимость. Она проявляется в том, что присвоение средств производства и жизненных средств не опосредовано в рыночной экономике принадлежностью человека к какому-нибудь коллективу. Каждый товаропроизводитель хозяйствует на свой страх и риск и сам определяет, что, как и сколько производить, кому, когда и при каких условиях реализовывать свою продукцию. Однако эта формальная личная независимость имеет в качестве своей

основы всестороннюю вещную зависимость от других товаропроизводителей (и прежде всего — зависимость по линии производства и потребления жизненных благ).

Овеществление отношений между товаропроизводителями выступает как зародыш отчуждения труда. Отчуждение труда характеризует различные аспекты сложившегося при рыночной экономике господства прошлого труда над живым, продукта труда над деятельностью, вещи над человеком. Предпосылки для его преодоления складываются в процессе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу.

В ходе научно-технической революции наука превращается в непосредственную производительную силу, всеобщие производительные силы становятся ведущим элементом системы производительных сил. Если после неолитической революции сложилась постприсваивающая экономика (основой которой было сельское хозяйство), а после промышленной революции — постаграрная (базирующаяся первоначально на легкой, а позднее — на тяжелой промышленности), то в ходе НТР возникает постиндустриальная экономика. Центр тяжести переносится в непроизводственную сферу. В середине 80-х годов уже свыше 70% населения США было занято в сфере услуг. Если для хозяйственного механизма аграрного типа ведущим элементом была земля, индустриального — капитал, то в современных условиях лимитирующим фактором становятся информация, накопленные знания.

Новые технологии стали результатом труда уже не «талантливых жестянщиков»[1] а «высоколобых интеллектуалов». Итогом их деятельности стала революция в сфере телекоммуникаций. Если в XIX — первой половине XX в. главной формой коммуникации были газеты, журналы, книги, к которым затем добавились телефон, телеграф, радио и телевидение, то в настоящее время они все более вытесняются средствами компьютерной связи. Знания и информация становятся стратегическими ресурсами. Это приводит прежде всего к существенным изменениям в территориальном размещении производительных сил. В доиндустриальную эпоху города возникали на пересечениях торговых путей, в индустриальную — вблизи источников сырья и энергии; технополисы постиндустриальной эпохи вырастают вокруг научных центров и крупных исследовательских лабораторий.

В развитых странах происходит сужение собственно материального производства при одновременном стремительном росте «индустрии знаний». Таким образом, предпосылки будущего общества создаются не только и даже не столько в материальном, сколько «по ту сторону материального производства» (К. Маркс).

Научно-техническая революция создает предпосылки для развития отношений свободной индивидуальности. Они формируют этап, отрицающий и отношения личной зависимости, и отношения вещной зависимости, выступающий как отрицание отрицания. Отношения личной зависимости существовали в условиях господства естественных производительных сил. Они характеризовали такой этап развития человечества, когда индивид мог развиваться лишь в рамках ограниченного, локального коллектива, от которого он зависел. Отношения личной независимости, основанной на вещной зависимости, знаменовали такой уровень развития, когда под влиянием общественного разделения труда происходит обособление производителей, и они уже не нуждаются в той или иной форме естественно сложившейся или исторически развивающейся

коллективности, перерастают ее рамки. Однако вместе со становлением всемирных отношений и универсальных потребностей развивается всесторонний процесс овеществления производственных отношений, происходит отчуждение сущностных сил от работника, превращение их в чуждую, господствующую над ним силу. Отношения свободной индивидуальности знаменуют этап гармоничного единения

---

[1] Белл Д. Социальные рамки информационного общества.— В кн.: Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986, с. 330.

человека и природы, самоконтроль человечества и его общественных сил, интеллектуальный прогресс мировой цивилизации.

Личность выступает как самоцель общечеловеческого развития. Одновременно личность является главным орудием прогресса.

Выбор цели, пути ее достижения, а также организация непосредственного трудового процесса в постиндустриальном обществе становятся не технологическими, а гуманитарными задачами. Это обусловливает высокую степень самостоятельности каждого человека, придает труду подлинно свободное творческое содержание. Сейчас очевидно главное: как рыночное хозяйство выработало соответствующий ему тип человека — «Homo Economicus», так и постиндустриальному обществу будет соответствовать своя форма социальности — свободная индивидуальность.

Таким образом, саморазвитие экономики создает онтологические предпосылки для формирования постиндустриальной парадигмы как составного элемента мировой цивилизации. В то же время очевидно, что далеко не для всех стран и народов (и для нашей страны в том числе) индустриальная парадигма исчерпала себя. Там, где сохраняется сфера ручного и малоквалифицированного труда, неразвитая рабочая сила и отсталая технология, индустриальные ценности по-прежнему остаются привлекательными.

Падение жизненного уровня в большинстве стран, переходящих к рынку, гиперинфляция, падение производства, распад федераций (СФРЮ, СССР, ЧССР и т. д.) и другие дезинтеграционные процессы создают дополнительные стимулы для новой жизни старых (индустриальных) парадигм. Борьба индустриальной и постиндустриальной парадигм, остро воспринимаемая интеллигенцией из восточноевропейских стран и стран «третьего мира», является составной частью культурной жизни и высокоразвитых стран. Однако, чтобы понять особенности этой борьбы, кратко охарактеризуем гносеологический аспект проблемы.

Гносеологические предпосылки новой парадигмы

В ходе развития цивилизации изменялся не только объект исследования экономической теории, но и совершенствовался процесс познания. Слово «метод» происходит от греческого «methodos», что буквально означает «путь к чему-либо». Поэтому метод — в самом широком смысле — можно определить как деятельность, направленную на достижение какой-либо цели. Метод науки, с одной стороны, отражает познанные законы исследуемой сферы окружающего мира, а с другой — выступает как средство дальнейшего познания. Таким образом, он одновременно является и результатом процесса исследования, и его предпосылкой. Сохраняя в себе свойства и законы изучаемого объекта, он в то же время несет на себе отпечаток целесообразной деятельности познающего его субъекта. Объективное переходит в субъективное, и наоборот.

Обычно метод исследования формируется на базе определенной методологии, которая включает в себя мировоззренческий подход, исследование предмета, структуры и места данной науки в общей системе знаний и собственно метод. В ходе процесса познания происходит постоянное взаимодействие предмета и метода. Предмет предполагает определенный метод исследования, а метод формирует предмет.

На разных этапах развития в политической экономии использовались различные методы исследования: формальная логика, диалектическая, математическая и др.

Первым методом, который использовала экономическая наука, была формальная логика. Формальная логика — это изучение мысли со стороны ее структуры, формы. Основателем формальной логики считается Аристотель, открывший своеобразную форму умозаключения (силлогизм) и сформулировавший основные законы логики. Ученики Аристотеля назвали эту новую науку «органон», то есть «орудие познания». Термин «логика» («слово», «разум», «закономерность») появился позже у стоиков, и

лишь в XVII в. в процессе создания диалектической логики эту традиционную логику стали вслед за Э. Кантом называть формальной.

Формальная логика разработала обширный набор методов и приемов познания. Важнейшие из них — это анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, аналогия, гипотеза, доказательство, определенные законы мышления.

Многие открытия в политической экономии были сделаны по аналогии. Ф. Кенэ, например, предложил плодотворную аналогию между кровообращением в человеческом организме и движением товарных и денежных потоков в организме социальном. Это позволило ему построить первую макроэкономическую модель воспроизводства. Изучение механического равновесия привело А. Курно к идее экономического равновесия.

Законы формальной логики способствуют достижению определенности, непротиворечивости и в известном смысле доказательности мышления. В то же время они придают слишком большое значение форме нередко в ущерб ее содержанию. К тому же сама форма предполагает уже сложившиеся, устоявшиеся, жесткие понятия, не изменяющиеся, не развивающиеся, не текучие. Формальная логика поэтому более успешно осуществляет систематизацию уже имеющихся знаний, чем поиск новых. «В логике ее силлогизмы и большинство других правил,— писал Р. Декарт, — служат больше для объяснения другим того, что нам известно... вместо того, чтобы познавать это»[2].

Формальная логика не сразу стала методом экономической науки. В экономической мысли древнего мира доминировал метод непосредственного описания, а в качестве руководства к действию рекомендовалось использование конкретного опыта, практической деятельности как в частном хозяйстве, например, в рабовладельческой вилле («Земледелие» Катона, «Сельское хозяйство» Варрона и др.), так и в масштабе государства («О доходах» Ксенофонта, «Законы» Платона, «Афинская полития» Аристотеля). Из нерасчлененной совокупности обществозна- ния еще не выделился не только метод, но и предмет экономической науки.

Развитие искусства обработки понятий появляется позже — в эпоху средневековья. Именно западноевропейские схоласты значительно усовершенствовали аппарат формальной логики и особенно дедуктивный метод исследования. Это было необходимо для того, чтобы согласовать отдельные положения науки с богословской доктриной. Главной целью выступал вывод реальных отношений из догматов «отцов церкви», объяснения земного миропорядка как порождения неземного. Поэтому средневековое мышление носит трансцендентальный, умозрительный характер. Широкий полет метафизики не сдерживается ничем. Рассуждения ведутся, как правило, в отрыве от конкретных эмпирических исследований, безотносительно к потребностям реальной экономической жизни. Организация многочисленных диспутов по вопросам, не имеющим никакого практического значения, получила своеобразное отражение в названии этой науки. Средневековая схоластика называлась в то время «диалектикой» от первоначального смысла этого греческого слова — «искусство вести беседу, спор».

В отличие от средневековых схоластов меркантилисты апеллируют не к общей теории, а к реальной практике. Их эмпирический метод находит свое обоснование в индукции Ф. Бэкона и Т. Гоббса, а также в дедукции Р. Декарта. Меркантилисты ориентируются на решение частных задач, для них характерно движение от конкретного к абстрактному, Стремление найти основание для создания теории в реальных фактах реальной действительности, установить точные количественные пропорции между явлениями и процессами экономической жизни характерно и для основоположников классической экономии.

---

[2] Декарт Р. Соч. Т. 1. М.: Мысль, 1989, с, 260.

В отличие от средневековых схоластов, методологической основой учения которых выступало каноническое право, классики политэкономии богатства опираются на теорию «естественного права». Они стремятся открыть естественные, вытекающие из самой «человеческой природы» рациональные законы развития. Неудивительно, что при таком подходе объектом их анализа становятся не только отдельные индивиды, но и социальные классы, целью существования которых является стремление «к естественному порядку... наиболее выгодному для человеческого рода»[3]. Вводится понятие «экономического человека», под которым подразумевается индивид, преследующий свои личные интересы путем участия в общественном производстве. С течением времени усиливаются элементы субъективизма (Э. Б. 68 Кондильяк) и утилитаризма (И. Бентам). На основе дедуктивного метода появляются попытки (хотя и далеко не последовательные) создания экономических систем путем восхождения от абстрактного к конкретному (А. Смит, Д. Рикардо). При этом неизбежно возникают противоречия, от которых ученики Рикардо (Дж. Милль, Д. Р. Мак-Куллох и др.) пытаются избавиться путем формально-логического упорядочения материала, сведения реальных фактов к абстрактно-теоретическим схемам. Это вызывает повышенный интерес экономистов к проблемам метода, что находит яркое выражение в «Системе логики» Д. С. Милля.

Бурно развивающийся капитализм все более остро ставит перед экономической наукой проблему отражения происходящих изменений. В этих условиях все большее значение приобретает метод, изучающий не внешние формы мышления, а движущие силы и законы развития как объективного мира, так и процесса его познания и отражения в экономической системе. Этим методом для политической экономии стала диалектика.

Диалектика — это наука о наиболее общих законах развития общества и человеческого мышления. Она является целостным методом, органической системой категорий и законов. Основными принципами систематизации понятий стали принципы взаимосвязи и развития. Экономическая система впервые была рассмотрена как развивающаяся взаимосвязь категорий и законов, взаимосвязь в развитии. Это означало, что каждое из явлений и система в целом анализируются в процессе самодвижения от низшего к высшему, от старого к новому. Противоречие выступает как внутренний источник и основной принцип движения, как душа диалектики. Само развитие понимается как переход количественных изменений в качественные и обратно, как единство и борьба противоположностей, как отрицание отрицания. Разработанный в рамках немецкой классической философии (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель) диалектический метод был впервые применен в политической экономии П. Ж. Прудоном. Попытка эта, однако, не увенчалась успехом. Более удачной стала попытка К. Маркса, который материалистически переосмыслил диалектику.

Материалистический подход к изучению экономических процессов означал не только объективное признание существования реального мира. Он исходил из того, что главным действующим субъектом исторического процесса выступает занятый производственной деятельностью общественный человек. Структурообразующим элементом был провозглашен способ производства материальных и духовных благ, определяющий юридическую и политическую надстройку, формы общественного сознания. Материалистический подход означал также принципиальную возможность познания объективного мира и его адекватного отражения в теоретической системе. Он исходил из единства диалектики, логики и теории познания. В теории познания ведущими становятся метод восхождения от абстрактного к конкретному и принцип единства исторического и логического.

---

[3] Кенэ Ф. Избр. экономические произведения. М.: Соцэкгиз, 1960, с. 336.

Однако реально диалектический метод не был освоен в полном объеме. Его удачное применение было скорее исключением, чем правилом. По-прежнему господствовала формальная логика, которая в конце XIX в. стала все чаще дополняться математической. Важную роль в развитии методологии экономической науки сыграл позитивизм О. Конта, эмпириокритицизм Э. Маха, критический рационализм К. Поппера.

Системный метод исследования — детище XX в. Однако предпосылки его возникновения складываются еще в XIX в. в процессе перерастания формальной логики в математическую: Именно в этот период Д. Буль создает алгебру логики, а У. Джевонс и Э. Шредер— первую систему математической логики.

В начале XX в. А. Богданов попытался создать всеобщую организационную науку — тектологию. Мощным импульсом для развития экономического моделирования стала теория и практика народнохозяйственного планирования в СССР (ГОЭЛРО, межотраслевой баланс 1923— 1925 гг., модели экономического роста Г. Фельдмана и др.). Рождение системного метода связано с именем австрийского математика К. Геделя, доказавшего в 1931 г. теорему о неполноте формальных систем. В 1939 г. Л. Канторович создает метод линейного программирования. Развитие технических наук (теории машин и механизмов, теории связи и информации), математики (теории алгоритмов, математической логики, теории вероятности, математического программирования), а также биологии и физиологии (исследование систем регулирования в живых организмах, учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности и т. д.) способствовало возникновению во второй половине 40-х годов кибернетики. Отцом новой науки стал американский исследователь Н. Винер. Кибернетика возникла как наука об управлении сложными динамическими системами (независимо от того, является ли такая система механической конструкцией или живым организмом). Применение кибернетических принципов к экономике увенчалось в начале 60-х годов созданием экономической кибернетики (В. Немчинов, Л. Ланге, Г. Гриневский, С. Бир и др.) .

Распространение системных методов исследования и рождение кибернетики сопровождались бурным развитием экономико-математического моделирования. Наибольшее значение в экономической науке начинает играть микро- и макромоделирование. Предпосылки для возникновения микроэкономических исследований складываются во второй половине XIX в., когда в экономической науке все большее внимание начинает уделяться психологическому фактору. Австрийская школа предельной полезности стала рассматривать в качестве исходного пункта экономической науки автономного индивида, почти абсолютно независимого от окружающего мира. Основная задача его деятельности — удовлетворение потребностей в условиях ограниченности ресурсов. Поведение этого индивида рассматривается в различных гипотетических ситуациях с целью выбора оптимального варианта (теория выбора А. Маршалла). При этом предполагается почти полная вазимозаменяемость факторов (труда, капитала и т. д.). В итоге происходит замена политической экономии чистой экономической теорией.

Экономическая наука выступает при таком подходе как сборник алгоритмов поведения индивида, фирмы и т. д. в стандартных ситуациях. Общеисторическое вытесняется типичным для XX в., экономическая теория в широком смысле слова — политэкономией в узком смысле слова, экономика вообще — рыночной экономикой. Такой подход неизбежно порождает некритическое представление о современном обществе как о наилучшем, как о самой гармоничной системе, которую только можно вообразить.

Крах золотомонетного стандарта после 1914 г., а затем «великая депрессия» наглядно обнажили несовершенство исследуемой системы. В этих условиях возникла насущная необходимость возвращения к объективистскому подходу, типичному для

предшествующей политэкономии, рассмотрения функционирования народного хозяйства как единого целого (макроэкономика). Это достигается, во-первых, путем анализа таких категорий, как национальный доход, сбережения, инвестиции, и моделирования взаимосвязей между ними; во-вторых, с помощью значительного расширения эмпирической базы и совершенствования экономико-математических методов их обработки (развитие эконометрики, кибернетики и т. д.). Причинно-следственные связи вытесняются функциональными и структурными, происходит четкое разграничение микро- и макроэкономики.

Новая парадигма в свете гносеологических предпосылок выступает как аналитическая модель, структура которой будет определяться как объективными свойствами экономики, так и субъективными свойствами исследователя, стремящегося преобразовать действительность в соответствии со своей целевой установкой. Отсюда следуют ее очевидные достоинства и не менее очевидные недостатки. Цельность модели не в последнюю очередь зависит от той действительности, которую она пытается описать. В этом смысле однородное целое легче поддается моделированию, чем пестрая многоукладная структура. Попытка создать цельную модель трансформации неоднородной экономической системы чревата очевидными упрощениями: элементы, от которых, как казалось в начале, можно обстрагироваться, с течением времени могут приобрести важное и даже основное значение, что объективно предопределит неизбежный крах новой парадигмы. Новая парадигма, однако, не есть простое следствие онтологических и гносеологических предпосылок. Сама она будет строиться из элементов, сформированных в ходе развития экономической науки.

Экономическая теория: тенденция развития

В развитии предмета экономической теории можно выделить три этапа: экономия, политическая экономия, экономике.

Экономия. Экономическая теория первоначально возникла как экономия — наука о домоводстве, о домашнем хозяйстве. Ее целью было воспитание достойных граждан. Сам термин встречается у Аристотеля в рамках учения о справедливости. Именно этот критерий является базой для разграничения экономики и хрематистики, основанных соответственно на натуральном и товарном хозяйстве (Аристотель, «Политика». Кн. 1, 1256—1258). Основу греческого общества в это время составляло натуральное хозяйство, поэтому Аристотель исходит из экономики, к которой, правда, относят и розничную торговлю, поскольку, по его мнению, в ней решающую роль играла потребительная стоимость. Аристотель критически относится к хрематистике, считая, что «искусство делать деньги», функционирование торгового (оптовая торговля) и ростовщического капитала имеет источником богатства обращение, и поэтому хрематистика противоестественна.

В рамках учения о справедливости рассматривалась экономическая теория и в произведениях средневековых схоластов. Различие заключалось лишь в том, что экономическую науку в эпоху феодализма трактовали с позиций Священного писания в рамках канонического права. «Справедливая цена» поэтому рассматривается, например, Фомой Аквинским с точки зрения христианских норм морали (Thomas Aquinas. Summa Theologiae. II, quaest. LXXVII—LXXVIII). Библейские тексты широко использовались также для осуждения ростовщичества как противоестественного обогащения, как явления, губящего человеческую душу. Таким образом, в экономии нормативный аспект господствовал над позитивным, иррациональный (мифотворческий) — над рациональным (научным), должное — над сущим, дедуктивный метод — над индуктивным.

Политическая экономия: от политэкономии богатства к политэкономии труда. Становление капитализма предопределило возникновение самостоятельной науки — политической экономии. В центре ее внимания находилась первоначально не сфера

производства, а сфера обращения. Развитие мировой торговли способствовало повышению роли купечества. Выразителем его интересов стала первая школа, возникшая в политической экономии,—меркантилизм (XVI—XVII вв). В 1615 г. Антуан де Монкретьен публикует «Трактат политической экономии», давший название будущей науке.

Целью исследований меркантилистов (А. Серра, Т. Мен, С. Фортрей) были поиски источников капиталистического богатства, объектом наблюдений стала капиталистическая торговля, а предметом пристального внимания — движение денег и товаров между отдельными странами. Позитивный подход вытесняет нормативный.

Классики политической экономии (Ф. Кенэ, А. Смит, Д. Рикардо и др.) ищут источник капиталистического богатства уже в сфере производства. Однако в центре внимания даже лучших представителей классической политической экономии был не сам общественный процесс производства, а в основном лишь внешний результат этого процесса — капиталистическое богатство. А. Смит уделял наибольшее внимание условиям его производства и накоплении, Д. Рикардо — распределения, С. де Сисмондн — потребления. По мере того как борьба с феодальной идеологией уходила на задний план, философии хозяйства вытеснялась практическими рекомендациями. Если А. Смит колебался между эзотерическим и экзотерическим подходами, между теорией стоимости и теорией цены, то у учеников (Р. Торренс, Дж. Милль, Д. Р. Мак-Куллох) и противников (Т. Р. Мальтус, С. Бей- ли, Н. У. Сениор) Д. Рикардо теория цены вытесняет теорию стоимости, теория факторов производства — трудовую теорию, анализ конкретных ситуаций — теоретические абстракции.

Попытка рассмотреть капиталистическое богатство с позиции пролетариата была впервые предпринята социалистами-рикардианцами (Т. Годскин, У. Томсон и др.) и более последовательно — К. Марксом и Ф. Энгельсом (учение о двойственном характере труда, теория прибавочной стоимости). Успеху исследований К. Маркса в немалой степени способствовало удачное применение достижений диалектики в политической экономии: В теории марксизма политическая экономия стала последовательно рассматриваться как историческая наука, изучающая производственные отношения, или отношения, складывающиеся между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ на разных этапах развития человечества.

Освоение марксизма в качестве научной парадигмы в нашей стране вылилось в серию дискуссий по узловым проблемам экономической теории (о теории реализации, предмете политэкономии, азиатском способе производства, двойственном характере труда, о законе-регуляторе социалистической экономики и т. д.). По мере становления и укрепления культа личности «большие дискуссии» прекращаются. Им на смену приходит слепое подчинение авторитету. Оно усиливается благодаря искусственному сужению источников марксизма вследствие отрыва от лучших достижений западной экономической мысли. Самоизоляция сталинизированного марксизма прикрывалась тезисом о нарастающей вульгаризации немарксистской политической экономии. Неудивительно, что в этих условиях на первый план выдвигались идеологические аспекты политэкономии в ущерб всем остальным.

По мере углубления экономических противоречий происходило «закрытие» остро актуальных тем и сужение их эмпирической, статистической базы, что вело в конечном итоге к вытеснению позитивного аспекта нормативным, к вырождению практической функции политической экономии труда и падению ее научного авторитета.

Экономикс. Во второй половине XIX в. складываются предпосылки для смены общей парадигмы экономической теории. Рыночная экономика прочно утверждается в развитых странах. Разработка общих принципов политической экономии заменяется исследованием различных проблем экономической практики, качественный анализ вытесняется количественным. Авторы все чаще стремятся оптимизировать ис-

пользование ограниченных ресурсов, широко применяя для этого теорию предельных величин, дифференциальное и интегральное исчисление. Страницы экономических сочинений все чаще заполняются математическими формулами и графиками, иллюстрирующими различные рыночные ситуации. Новые веяния находят отражение и в изменении названия самой науки. Понятие «политическая экономия» (political economy) вытесняется понятием «экономика» (economics)[4]. Под «экономикс» понимается аналитическая наука об использовании людьми ограниченных ресурсов (земля, труд, капитал, предпринимательские способности) для производства различных товаров и услуг, их распределении и обмене между членами общества в целях потребления.

В центре внимания А. Маршалла находится анализ экономического равновесия в условиях свободной конкуренции. Если классики политэкономии богатства стремились к выявлению прежде всего объективных закономерностей, то А. Маршалл исходит из субъективных оценок хозяйствующих субъектов («свобода выбора»). Идеализация механизма свободной конкуренции, недооценка деятельности государства и вопросов макроэкономической динамики предопределили критику первоначального варианта неоклассической парадигмы со стороны И. Шумпетера, Дж. Хикса, Э. Чемберлина и Дж. Робинсон, что в конечном итоге способствовало укреплению неоклассического направления.

Однако подлинную революцию в экономической теории произвела опубликованная в 1936 г. «Общая теория процента, занятости и денег» Дж.-М. Кейнса. С его именем связано рождение нового направления западной экономической мысли — кейнсианства, поставившего в центр внимания проблемы макроанализа. Такой подход не только способствовал более глубокому отражению объективной реальности в экономической теории, но и в значительной степени поставил нормативный аспект в зависимость от позитивного. Кейнс отказывается от некоторых основных постулатов неоклассического учения, в частности, от рассмотрения рынка как идеального саморегулирующегося механизма. Рынок, с его точки зрения, не может обеспечить «эффективный спрос», поэтому его должно стимулировать государство посредством кредитно-денежной и бюджетной политики.

Эта политика должна поощрять частные инвестиции и рост потребительских расходов таким образом, чтобы способствовать наиболее быстрому росту национального дохода. Практическая направленность теории Кейнса обеспечила ей широкую популярность в послевоенные годы. Кейнсианские рецепты стали идеологической программой концепции смешанной экономики и теории «государства всеобщего благоденствия».

Кейнсианская парадигма не сумела полностью вытеснить неоклассическую. Попытка объединить обе парадигмы в форме неоклассического синтеза не увенчалась успехом, так как не отличалась цельностью; при анализе макроэкономических процессов эта теория отрицала то, из чего исходила в микроэкономике. Более того, в 70—80-е годы новые направления неоклассики (монетаризм, новая классическая экономика, теория общественного выбора) заметно теснят кейнсианство (см. рис.1).

Первыми наступление начали монетаристы. Главным пунктом критики стали вопросы экономической политики (проблемы инфляции, политики занятости и т. д.). Исходные предпосылки этой критики были сформулированы М. Фридменом в его работах «Очерки позитивной экономики» (1953 г.), «Капитализм и свобода» (1962 г.) и позднее — в книге, написанной совместно с Розой Фридмен, «Свобода выбора» (1979 г.). Его методологией является неопозитивизм, пытающийся примирить рационализм и эмпиризм. В основе теории лежит возникшая в результате такого соглашения

---

[4] Под политической экономией в XX в. на Западе начинают понимать не экономическую теорию, а экономическую политику как самостоятельную отрасль науки, науку о принятии макроэкономических решений.

абстрактная гипотеза, из которой выводятся эмпирически проверяемые следствия (предсказания).

Если они подтверждаются практикой, то теория считается истинной, если нет, то она отвергается. Поскольку практические предложения кейнсианцев потерпели фиаско, должна быть отвергнута и их теория. Однако подобная участь может постичь и монетаризм, так как и его теория напрямую ставится в зависимость от бесконечного числа подтверждений, и всегда можно найти противоречащие ей факты. Это тем более нетрудно сделать, так как многие предпосылки монетаристов носят явно нереалистический характер (совершенная конкуренция, гибкость цен, полнота экономической информации, зависимость роста национального дохода от темпов роста денежной массы и т. п.). Методологическая уязвимость теории монетаристов вызвала ее критику не только со стороны кейнсианцев, но и со стороны более последовательных сторонников классического либерализма[5].

Представители новой классической экономики (Дж. Мут, Р. Лу кас,Т. Сарджент, Н. Уоллес, Р. Барро и др.) попытались построить более цельную теорию путем подведения единого микроэкономического основания под анализ макропроблем. В ее центре оказались экономические агенты, способные быстро приспосабливаться ,к меняющейся хозяйственной конъюнктуре благодаря рациональному использованию получаемой информации. Поскольку каждый индивид способен правильно адаптироваться в меняющемся мире, отпадает необходимость вмешательства государства в экономику.

Последовательно отстаивая неоклассические постулаты, сторонники теории рациональных ожиданий возрождают идеальную рыночную модель, возвращая нас в XIX в. Они абстрагируются от явлений, типичных для смешанного общества второй половины XX в. (несовершенной конкуренции и государственного сектора, безработицы и инфляции, кризисов и антикризисной политики и т. д. и т. п.). К тому же новые классики недооценивают фактор времени, необходимого на сбор и обработку информации, а также дифференцированность возможностей получения информации разными субъектами. Согласно этой теории выходит, что домохозяйка более способна к преодолению фактора неопределенности и обработке экономической информации, чем профессиональные экономисты и специализированные государственные учреждения.

Этот недостаток пытались преодолеть сторонники сформировавшейся в 50—60-е годы теории общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон, Д. Мюллер, Р. Толлисон, У. Несканен и др.). Критикуя кейнсианцев, представители этой теории поставили под сомнение эффективность государственного вмешательства в экономику. Последовательно используя принципы классического либерализма и методы маржинального анализа, они активно вторглись в область, традиционно считавшуюся сферой деятельности политологов, юристов, социологов; подобное вмешательство получило название «экономического империализма». Критикуя государственное регулирование, представители теории общественного выбора сделали объектом анализа не влияние кредитно-денежных и финансовых мер на экономику, а сам процесс принятия правительственных решений.

Основная предпосылка предлагаемого ими подхода состоит в том, что люди действуют в политической сфере, преследуя свои личные интересы, и что нет никакой непреодолимой грани между бизнесом и политикой. Поэтому ученые этой школы последовательно разоблачают миф о государстве, у которого нет никаких иных целей, кроме заботы об общественных интересах. «Рациональные политики» поддерживают

---

[5] Отмахов П. А. Современная американская политэкономия (вопросы методологии). М.: Изд. МГУ, 1991, с. 10—56.

прежде всего те программы, которые способствуют росту их престижа и повышают шансы одержать победу на очередных выборах. Таким образом, теория общественного выбора попыталась более последовательно провести принципы индивидуализма, распространив их не только на всю экономику, но и на государство.

Однако и теория общественного выбора не сумела преодолеть известную абстрактность и оторванность от жизни неоклассической парадигмы в целом и прежде всего ее внеисторический характер, абсолютизацию рыночной стадии развития мировой цивилизации. Этот изъян стал особенно заметен на фоне процессов, разворачивающихся в ходе НТР. Научно-техническая революция создала объективые предпосылки для кардинального изменения системы ценностей. Выяснилось, что ни неоклассическое направление в целом, ни даже кейнсианство не в состоянии органично включить эти процессы в предмет своего анализа, объяснить их исходя из своей системы категорий и законов. Прогностические способности этих направлений оказались довольно скромными. Неудивительно, что на этом фоне все большую популярность начинает приобретать институционально-социологическое направление. Возникнув в конце XIX в., оно окончательно оформляется как самостоятельное течение в 20—30-е годы XX в. Его основоположником считают Торстейна Веблена. Представители этого течения (Дж. Р. Коммонс, У. К. Митчелл, Дж. К. Гэлбрейт и др.) широко используют в своем анализе понятие «институты», под которым понимают корпорации, профсоюзы, государство, а также различные психологические, этические, правовые, технические и т. п. явления. До развертывания НТР это течение не пользовалось на Западе заметным влиянием. Взрыв его популярности в 70-е годы был связан с концепциями «постиндустриального», «информационного», «сервисного» общества, конвергенции различных социально-экономических систем.

Институциональный анализ более реально оценивает объективную реальность. Он исходит из того, что современное общество отнюдь не являет собой венец совершенства; люди, как правило, нерациональны, а экономика далека от состояния равновесия. Неоклассическая концепция, согласно данному подходу, явно идеализирует действительность, выполняя скорее апологетическую, чем познавательную функцию. Реальная действительность гораздо сложнее и уже давно не укладывается в маржинальные предпосылки анализа. Объектом исследования должен быть не экономический человек, а всесторонне развитая личность. Понять ее и правильно оценить тенденции развития общества можно лишь на путях междисциплинарного анализа, который кроме экономики должен включать социальную психологию, социологию, право, *политологию и* другие гуманитарные науки.

Палитру современных подходов хорошо отражает классификация, предложенная Б. Кларком (см. рис. 1). Она позволяет не только отразить многообразие современных подходов, но и отметить точки их соприкосновения и взаимного перехода: от консервативного направления — через классический и современный либерализм — к радикальным течениям. Сильно упрощая все богатство идей современных школ, их можно поместить в двухмерной системе координат (см. рис. 2). Несмотря на ограниченность такого подхода, он выделяет главное, намечая возможные точки соприкосновения различных, нередко противоположных концепций.

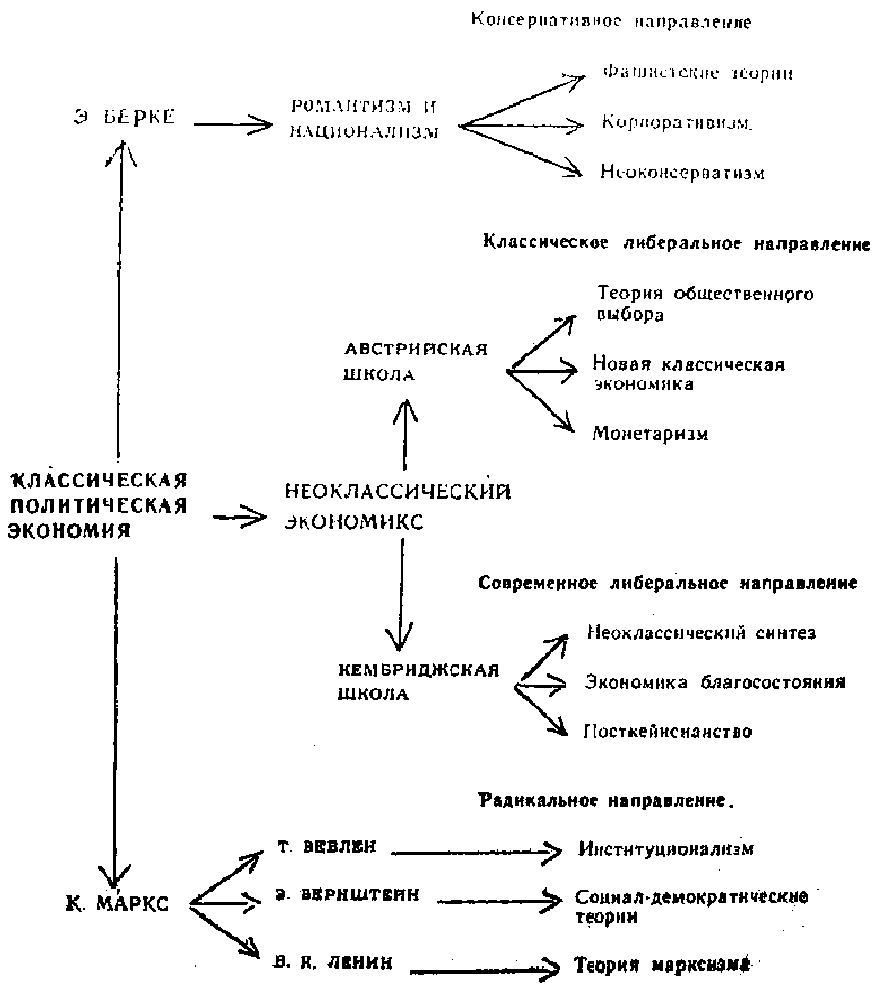

Рис. 1. Основные направления современной экономической теории[6]

Такая классификация чрезвычайно полезна, так как помогает понять причины вероятных объединений и временных компромиссов между течениями как в процессе борьбы за власть, так и при формировании новой парадигмы.

В свете онтологических и гносеологических предпосылок можно сформулировать программу-минимум и программу-максимум для российской экономической науки. Их реализация будет зависеть от институциональных условий, складывающихся в нашей стране.

С точки зрения онтологии вероятна смена индустриальной парадигмы постиндустриальной. Однако такую смену следует рассматривать как длительную программу, рассчитанную не на одно десятилетие. Скорее всего в ближайшие годы произойдет замена одной парадигмы индустриальной эпохи другой. Если абстрагироваться от консервативного направления (фашистских теорий, корпоративизма и неокорпоративизма), то наиболее вероятен сдвиг в сторону современного либерализма (в социал-демократической интерпретации) или классического либерализма. Все будет зависеть от того, в каком направлении будут происходить изменения в обществе: от командной экономики — к смешанной или к чисто рыночной.

---

[6] Clark B. Political Economy, A Comparative Approach. N.Y., L., 1991. p. 25.

В первом случае (при формировании смешанной экономики) важную роль

Рис. 2. Сравнительная типология современных направлений экономической теории[7]

должны сыграть (независимо от провозглашенных лозунгов) идеи кейнсианцев и ученых социал-демократического направления: общества всеобщего благосостояния, неоклассического синтеза, посткейн- сианцев, неорикардианцев, теоретиков Социнтерна и т. д. Эти идеи, несомненно, приобретут национальную окраску и на практике выльются в попытку синтеза традиционной соборности, патриархальной государственности и «эффективного» рынка.

Во втором случае (при формировании классической рыночной экономики) будут попытки реализации монетаристских идей, идеи теории рациональных ожиданий, теории общественного выбора. Есть серьезные опасения, что реализация этих идей на российской почве может столкнуться с рядом объективных и субъективных трудностей прежде всего институционального порядка. На этом пути возникают реальные предпосылки для усиления консервативных и крайних радикальных теорий, что может предопределить серьезный сдвиг всего общества вправо.

С точки зрения гносеологии несомненна замена диалектической логики в качестве официальной доктрины системно-структурным и функциональным анализом, а также другими современными методами обработки данных, родившихся на базе математической логики. Правда степень применения диалектической логики в отечественной экономической науке не следует сильно преувеличивать. Большинство советских исследователей едва ли владело даже всей системой современных формально-логических приемов. Поэтому реально движение к новой парадигме будет означать вытеснение вербальной политэкономии языком графиков, формул и уравнений, а идеологизированной философии хозяйствования — сборниками практических рецептов экономической деятельности. Большие трудности будут наблюдаться при анализе нерыночных структур. Здесь возможна замена марксизма институ- ционализмом

[7] Clark B. Op. cit., p. 36.

(как старым, так и новым), теорией прав собственности, новой экономической историей (клиометрией), социальной и политической антропологией, а в общем и в целом — формационного подхода цивилизационным. В лучшем случае один материализм, диалектический, сменится другим, механистическим; в худшем случае материализм будет оттеснен идеализмом. Несомненно одно: монизм в настоящее время вытесняется плюрализмом.